

Константин Поповский

Моше и его тень

Пьесы для чтения

16+

Константин Маркович Поповский

Моше и его тень.

Пьесы для чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42345458

SelfPub; 2019

Аннотация

"Пьесы Константина Поповского – явление весьма своеобразное. Мир, населенный библейскими, мифологическими, переосмысленными литературными персонажами, окруженными вымышленными автором фигурами, существует по законам сна – всё знакомо и в то же время – неузнаваемо... Парадоксальное развитие действия и мысли заставляют читателя напряженно вдумываться в смысл происходящего, и автор, как Вергилий, ведет его по этому загадочному миру." Яков Гордин.

Содержание

Этингоф	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Этингоф

Еврейская пьеса в одном действии

Действующие лица:

Этингоф

Анна

Бог

Кабинет Этингофа. Кресла, стулья, диван. На стенах – несколько застекленных фотографий. Небольшой письменный стол с настольной лампой под зеленым стеклянным абажуром и пишущей машинкой. На журнальном столике – телефон. В глубине сцены – ведущая в коридор дверь. Еще одна дверь – в кладовку – расположена у левой кулисы. Возле нее – раздвижная белая ширма. Везде идеальная чистота.

Из глубины комнаты появляется Этингоф. Кажется, что он стар, растрепан и сердит. На нем длинный цветастый халат. Настороженно прислушиваясь, подходит к шкафчику возле стола и пытается аккуратно открыть верхнюю дверцу, которая неожиданно громко скрипит.

Этингоф (шепотом): Черт!..

Быстро распахивает створки шкафа и достает из него

бутылку вина и рюмку. Одновременно из-за приоткрытой двери в кладовку раздается негромкий кашель.

(Наливая, в сторону кладовки). Можешь не кашлять. Я тебя вижу... (Быстро опрокидывает рюмку и сразу же наливает следующую).

Из кладовки появляется Бог. Клетчатая фланелевая рубашка, старые джинсы, седые волосы собраны на затылке пучком. Похож на старого рокера.

Бог: Я только хотел тебе сказать, Этингоф, что пить до обеда – это еще, куда ни шло, но после, извини, это уже форменное свинство.

Этингоф: Возможно. *(Быстро выпивает и сразу же наливает следующую).*

Бог: Между прочим, это уже третья... Мне кажется, ты плохо кончишь, Этингоф... Случайно, не забыл, что у тебя сердце?

Этингоф: А еще печень, почки, легкие и желудок... И все это счастье благодаря тебе... Будь здоров. *(Пьет).*

Бог: Ладно. Я тебя предупредил. *(Уходит в кладовку)*

Этингоф *(вслед ушедшему):* Спасибо за заботу... *(Наливает).* Между прочим, когда ты творил этот чертов мир, я тебе не мешал... *(Быстро пьет).*

Бог *(вновь появляясь на пороге):* Когда я творил этот чер-

тов мир, то еще не знал, что в нем заведутся такие экземпляры, как ты.

Этингоф: Ох, ох, ох... Не хотелось бы тебя огорчать, Всемогущий, но только такие экземпляры, как я обыкновенно заводятся, когда Всевышнему нечего сказать своему народу, кроме глупости и общих мест... Что, съел?

Неожиданно резко звонит телефон.

О, Господи! (*Быстро накрывает телефон подушкой и хлопывает дверцы шкафа*). Меня нет.

Бог: Между прочим, это Фрида Марковна... Она звонит, чтобы узнать о твоём здоровье. И при этом, боюсь, у нее опять плохое настроение.

Этингоф (*почти лихорадочно*): Вот и поговори с ней!.. Расскажи, какая у меня температура и все такое... У тебя это хорошо получается... Ну, давай же, давай, чего ты ждешь?

Бог: Обыкновенно я являюсь людям во снах, а не в телефонных разговорах, если ты не забыл.

Этингоф: Плевать!.. Скажи ей, что я пью все лекарства и хожу на улицу только в теплых носках.

Телефон звонит.

Ну!

Бог (*схватив телефонную трубку*): У аппарата!

Короткая пауза.

Что значит, мог бы побыстрее?.. Скажи спасибо, глупая женщина, что я вообще поднял трубку!.. (*Швырнув трубку, Этингофу*). Нет, ты видел?.. Мог бы побыстрее!..

Этингоф негромко хихикает.

Не вижу ничего смешного...

Этингоф хихикает.

Тем более, когда ты собирался на ней жениться, я тебя предупреждал.

Этингоф: Это было сорок лет назад. Откуда мне было знать, как все это обернется?

Бог: Надо было у меня спросить.

Этингоф: Глупости.

Бог: По-твоему, это глупости?.. Восемь лет лежать в могиле и при этом умудриться звонить каждый день, чтобы устроить очередной скандал, это, по-твоему, глупости?

Этингоф (*наливая*): Ничего, я уже привык... Тем более, все знают, что если Фрида Марковна чего-нибудь захочет, ее не остановит даже Преисподняя... Твое здоровье. (*Пьет*).

Вновь звонит телефон. Короткая пауза.

Ну, вот... Я же говорил. (*Быстро накрывает телефон по-
душкой*). Хотел бы я посмотреть на того, кто сумеет в таких
условиях написать хотя бы одну строчку... (*Присаживаясь
за столик, на котором стоит пишущая машинка с вложен-
ным листом бумаги, нервно*). Вот, пожалуйста... Она сказа-
ла... Она сказала... Что, интересно?.. Что мы пойдем с тобой
в луга?.. В леса?.. В поля?.. (*Богу*). Вот видишь?.. Ты опять
сбил меня своими глупыми разговорами, а, между прочим,
все, что мне оставалось – это дописать последнюю фразу!..
(*Глухо*). Она сказала... сказала... сказала... (*Сквозь зубы*).
Болтливая дура...

Бог: Если хочешь знать мое мнение, то она сказала: «Воз-
люби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим и всем по-
мышлением твоим, потому что это хорошо».

Этингоф (*вяло*): Сгинь... Она этого не говорила.

Бог: Тебе, конечно, виднее. Но мне почему-то кажется,
что ты так говоришь только потому, что сам никогда и нико-
го кроме себя не любил.

Этингоф: Можешь говорить все, что хочешь, мне это со-
вершенно все равно. (*Доставая из кармана халата расчес-
ку, сердито*). Ты прекрасно знаешь, что если бы я хотел, то
мог бы легко возразить тебе по существу. Но я не считаю это
необходимым. (*Расчесывает бороду*).

Бог молчит.

(*Сердито*). Ну, что ты встал передо мной, как вопро-
сительный знак?.. Я говорю о своей куколке, неужели не понят-
но?.. О моей пластмассовой куколке, в которую я был влюб-
лен, когда мне было пять лет... Или ты это тоже забыл?.. Ну,
конечно. Ты ведь помнишь всегда только то, что тебе удоб-
но... А, между прочим, я любил ее как сорок тысяч братьев!

Бог молчит.

(*Кричит*). Да, да, да!.. Мне было пять лет, и я был влюблен
в мою маленькую, пластмассовую куколку с голубыми глаза-
ми! В маленькую голенькую куколку, с которой я не расста-
вался ни на минуту, пока ужасный рок не разлучил нас...
Только не делай вид, что ты слышишь это в первый раз!..
Мне было пять лет, и она жила у меня в кармане шубы, по-
тому что на улице была зима, и я заворачивал ее в платок,
чтобы ей было тепло... (*Продолжая расчесывать бороду*).
А ты говоришь, что я никого не любил... Да, что ты понима-
ешь в любви!.. Когда я думал, засыпая, что завтра снова бу-
ду держать ее в руке, мне становилось тепло, и я видел сны,
которые уже никогда не снились мне после... (*Глухо*). А по-
том она исчезла... (*С остервенением расчесывает волосы*).
Исчезла... Как не бывало...

Бог: Между прочим, ты сам ее и потерял... Оставил на

скамейке в парке и даже не вспомнил о ней.

Этингоф (*глухо*): Мою куколку!..

Бог: На скамейке, в холоде, в снегу, под ледяным ветром.

Этингоф: Мою куколку!

Бог: Можешь даже не сомневаться. В самый мороз, в конце декабря... Только не изображай, пожалуйста, из себя убитого горем Ромео. (*Исчезает в кладовке*).

Этингоф (*страда*): Моя куколка... (*Вытирает лицо платком, затем кричит, повернувшись к кладовке*). Я уверен, что это ты во всем виноват!.. Ты все подстроил, чтобы потом тебе было удобней всю жизнь мучить меня и есть мое сливовое варение!.. (*Сквозь зубы*). Чертов демиург!..

Бог (*вновь появляясь на пороге кладовки с банкой варения в руках*): Объясни мне, ради Бога, Этингоф, почему стоит только чему-нибудь случиться, как немедленно все валят все на Бога?.. (*С набитым ртом*). Сортир засорился – Бог виноват. Президент – скотина, опять же Бог попустил. Дождя нет – Бог пожадничал... Знаешь, иногда мне начинает казаться, что вы все действительно произошли от какой-нибудь грязной и капризной обезьяны, которая умеет только попрошайничать и обижаться... (*Поворачивается, чтобы вернуться в кладовку, но на пороге останавливается*). Между прочим, давно хотел тебе сказать... Если перед тем, как ставить на огонь сливы, ошпарить их кипятком, то кожица становится нежной и не такой твердой... И, пожалуйста, не надо так сильно набивать банку мякотью, потому что некоторые лю-

бят, чтобы сиропчику было побольше, а мякоти поменьше... Запиши, чтобы не забыть.

Этингоф: Непременно.

Бог: И не надо разговаривать со мной таким тоном, как будто это я виноват во всех твоих несчастьях... В конце концов, от того, что ты потерял когда-то свою игрушку, ничего страшного не случилось. Мне кажется, даже наоборот... Посмотри, ты стал известным человеком, научился читать и писать, а иногда даже можешь связно излагать свои мысли, чем не могут похвастаться многие члены Союза писателей... Ну, разве думал ты, когда гулял со своей игрушкой, что придет время, и ты напишешь роман про бабочек и станешь почти классиком?

Этингоф (*глухо*): К черту бабочек...

Бог: Согласен... (*Идет в сторону кладовки, но затем останавливается*). А кстати. Чуть не забыл... Сейчас к тебе придет одна женщина. Так что имей в виду...

Этингоф: Обязательно. (*Помедлив, так словно до него не сразу дошел смысл услышанного*). Что ты сказал?

Бог (*намереваясь уйти*): Ничего.

Этингоф: Не лги... Ты сказал – сейчас к тебе придет женщина... Я ведь не ослышался?..

Бог: Допустим.

Этингоф (*поднимаясь на ноги, взволновано, негромко*): Это воздушное, гладкое, приятно пахнущее, мелодичное, ослепительное?.. Чистое, гармоничное, прозрачное словно

лед... Я тебя правильно понял, дармоед?..

Бог: Не груби.

Этингоф (*взволнован*): Это медовое, молочное, пронзительное, напоминающее увертюру... (*Идет по сцене*). Да, ты хоть знаешь, что это такое?.. Хотя откуда тебе это знать, если в голове у тебя одно только сливовое варение, да еще эти дурацкие заповеди, без которых все давно прекрасно научились обходиться!.. (*Быстро поправляется*). Виноват!.. Виноват... Без всех, кроме, одной... (*Смеется*). Плодитесь и размножайтесь!.. (*Задумчиво*). Не хотелось бы тебя огорчать, но боюсь, что ничего лучше этого ты уже не придумаешь.

Бог: Она придет не для этого.

Этингоф (*разочарован*): Нет?.. Но тогда для чего?..

Бог: Она придет, чтобы взять у тебя интервью, Этингоф.

Этингоф: О, Господи!.. (*Хихикает*). А я разве говорю тебе о чем-нибудь другом?.. (*Понизив голос*). Может быть, тебе это до сих пор неизвестно, но если женщина приходит к одинокому мужчине для того чтобы взять у него интервью, то это почти наверняка значит, что она готова немедленно принять участие в исполнении той заповеди, о которой мы только что с Тобой говорили.

Короткая пауза. Бог и Этингоф смотрят друг на друга.

(*Кричит*). Плодитесь и размножаться!

Бог (*страдальчески, зажав уши*): Этингоф!.. Я тебя умо-

ляю... Это совершенно необязательно.

Этингоф (*возбужден*): Ну, не скажи...

Бог: Говорю же тебе, она придет не для этого.

Этингоф: Иногда мне начинает казаться, что ты мне просто завидуешь... Лучше скажи, как ее зовут?.. Надеюсь, это не какое-нибудь вульгарное имя, от которого потом хочется почистить зубы?

Бог: Ее зовут Анна.

Этингоф: Можешь мне не верить, но почему-то я так и подумал... Анна... (*Громко*). Анна... (*Нежно*). Анна... (*Страстно*). Анна-а-а... (*Кричит, глядя на Бога*). Анна!..

Бог: Не знаю, как ты, Этингоф, но если бы я был на твоём месте, то еще бы сто раз подумал, прежде чем пускать на порог незнакомую женщину... И потом... Зачем тебе, скажи на милость, это глупое интервью?.. Что это вообще за удовольствие рассказывать о своей личной жизни, как будто это действительно кому-нибудь может быть интересно?..

Этингоф (*задет*): Моя личная жизнь?

Бог: Твоя личная жизнь, сынок... Можешь мне поверить, но по моим сведениям никому в целом свете давно уже нет до нее никакого дела... Ну разве что мне.

Этингоф (*хрипло*): Никому?.. Ты сказал – никому в целом свете?..

Бог с деланным сожалением сокрушенно разводит руками.

А хочешь знать, почему?... (*Кричит*). Потому что с тех пор, как ты явился сюда, прикинувшись страховым агентом, и поселился в моей кладовке, моя личная жизнь благополучно закончилась!.. От нее остались одни только воспоминания! (*Разводя руками, с изумлением*). Силы небесные!.. Ну, разве это не абсурд?... Пять миллиардов идиотов носили бы тебя на руках, если бы ты осчастливил их своим присутствием, но ведь нет!.. Тебе обязательно надо было поселиться у Этингофа!.. У этого бедного еврея, за которого некому вступить!.. У этого несчастного, которому даже не с кем переброситься парой слов, когда ему становится холодно и одиноко!.. Занять его кладовку, есть его варение, а когда к нему, наконец, захочет прийти женщина, то уговаривать его, чтобы он ее не пускал!.. (*Кричит*). Дудки!.. Сейчас же отвечай, когда она придет, если не хочешь оказаться на улице!..

Бог: Господи, Этингоф, зачем же так орать?.. Если тебе интересно, то она собиралась прийти между семью и половиной восьмого... Ради Бога.

Этингоф (*смотрит на часы*): То есть, прямо сейчас!.. Ты что, не мог мне сказать об этом раньше?

Бог: Если бы я поставил тебя в известность раньше, то ты бы радовался этому гораздо дольше, а твое разочарование было бы гораздо сильнее... Между прочим, если ты помнишь, вчера тоже было половина седьмого, но при этом никто, слава Богу, не пришел. Поэтому будем надеяться, что

сегодня тоже никто не придет.

Этингоф (*сбит с толку*): Но ты только что сказал, что она придет сегодня?

Бог: Вот именно. Вы договорились на сегодня, а она не пришла вчера... Не надо быть Эйнштейном, чтобы догадаться, что у этих фактов есть какая-то причинная связь, которую может понять далеко не каждый...

Этингоф: Сгинь!.. (*Кричит, топая ногами*) Сгинь!.. Ты когда-нибудь сведешь меня с ума своей галиматьей!.. У всех фактов есть простое объяснение, в том числе и у этих!.. Простое объяснение, понятное всем!

Бог: Простое объяснение похоже на дешевую страховку, Этингоф. Сгорело на полмиллиона, а застраховался на сто рублей... Я ухожу. (*Делает вид, что уходит*).

Почти сразу из-за прихожей доносится звонок в дверь. Этингоф и Бог, замерев, молча смотрят друг на друга.

(*Шепотом*). Не открывай.

Этингоф (*шепотом*): Сгинь!.. Убирайся в свою кладовку, и сиди там, пока я тебя не позову...

Бог: Я тебя предупредил. (*Быстро уходит*).

Этингоф: Вон!.. И не вздумай подслушивать! (*Лихорадочно причесывается, повернувшись к зеркалу на стене*).

Между тем на пороге комнаты появляется молодая

женщина. Это Анна. Не видя ее, Этинггоф быстро поворачивается и оказывается в объятиях вошедшей.

Анна: Ой!..

Этинггоф: А-а!..

Анна: Простите.

Этинггоф (*зацепившись за какой-то крючок в платье вошедшей и пытаясь освободиться*): Вы меня напугали!

Анна: Простите (*Пытаясь вырваться*). Кажется, мы за что-то зацепились...

Этинггоф (*дергаясь*): Наверное, за какой-нибудь ваш крючок... Ну-ка, ну-ка... (*Кружит по комнате вместе с Анной*). Видите, что получается, когда заходишь в открытые двери раньше времени.

Анна: Простите... Дверь была открыта, и я подумала, что можно войти.

Этинггоф: Дверь была открыта, и вы подумали... Мне кажется, что вы немного поторопились... А что если бы вы попали не туда?

Анна (*пытаясь освободиться*): Простите. Я думала, что это специально.

Этинггоф (*копаясь в одежде*): Зачем же специально... Это совсем не специально... А если бы вы ошиблись этажом?.. Знаете, какой маньяк нехороший тут над нами живет?.. Вот уж он бы, наверное, обрадовался, если бы вы к нему по ошибке зашли.

Анна: Какой ужас. Это правда?

Этингоф (*дергая*): Зачем же мне вас обманывать?.. (*Дергает*). Ну, вот и все, кажется... Уф-ф!.. (*С некоторым сожалением расцепляется с Анной*). Какой же у вас крючочек упрямый.

Анна: Как смешно получилось. (*Одергивая платье*). Вечно со мной что-нибудь такое случается. (*Смеется*). Здравствуйте.

Этингоф: Здравствуйте.

Анна: Меня зовут Анна.

Этингоф (*пожирая Анну глазами*): Вас зовут Анна и вы пришли, чтобы взять у меня интервью... Верно?

Анна (*немного смущаясь*): Да, это я.

Этингоф (*подходя ближе и почти бесцеремонно разглядывая Анну*): Я почему-то так и подумал... Ну, что же вы встали?.. Проходите... Садитесь в это кресло... Не бойтесь, я вас не съем.

Анна (*опускаясь в кресло возле журнального столика*): А я и не боюсь. (*Озираясь по сторонам*): Как тут у вас мило. Просто прелесть.

Этингоф: А знаете, почему?.. Потому, что я никогда не позволяю себе считать время, потраченное на уборку пустым времяпровождением, как некоторые...

Анна: Я тоже так считаю. (*Заметив пишущую машинку*). Ой, какая у вас тут пишущая машинка старая. Ей, наверное, уже сто лет, если не больше...

Этингоф: Вы не поверите, но на ней еще мой дедушка печатал.

Анна: Ваш дедушка тоже писателем был?

Этингоф: Мой дедушка революционером был. Он на этой машинке приговоры печатал для неудачников всяких.

Анна (*трогает клавишу машинки*): Как интересно!.. (*Машинка щелкает и звенит*) Ой!..

Этингоф: Это ничего, ничего.

Анна: Какое это должно быть счастье, быть пишущей машинкой такого знаменитого писателя... То есть, я хотела сказать, какое это счастье быть знаменитым писателем такой старой машинки... (*Доставая из сумки блокнот и ручку*). Это ведь, наверное, вы на ней новый роман пишете?.. И, наверное, опять про бабочек?

Этингоф: Нет, зачем же про бабочек?.. Я думаю, этот роман, скорее, про кузнечиков...

Анна: Какая прелесть!.. (*Неуверенно*). Но ведь они прыгают, кажется?

Этингоф: И еще как прыгают, я вам доложу... Иной раз смотришь, и только диву даешься, как они на своих тоненьких ножках скачут, как угорелые... Но самое интересное, представьте, что они никогда заранее не знают, где им суждено приземлиться, а все равно прыгают... (*Загадочно*). Вы понимаете?

Анна: Как интересно... Так значит, вы об этом роман пишете?

Этингоф: Я именно об этом пишу... Видите?.. Осталось только одну фразу дописать, последнюю. А это, поверьте мне, совсем не так просто.

Анна: Я тоже почему-то так всегда думала, что это совсем не так просто, последнюю фразу написать.

Этингоф (*подходя к кладовке, в приоткрытую дверь*): А особенно, когда тебе постоянно ставят палки в колеса и отрывают от работы разными глупостями... (*Захлопывает дверь*). Вы лучше расскажите мне, откуда у вас такой загар прекрасный?.. Вы, наверное, в солярий ходите?

Анна: Ну что вы, в солярий. Это еще с лета остался.

Этингоф (*разглядывая загар*): Я так и подумал, когда вас увидел, что это с лета, потому что летний всегда более естественно выглядит, чем искусственный... (*Тонем беспристрастного наблюдателя*). Вот как у вас, допустим. (*Медленно обходит вокруг сидящей Анны, сквозь зубы*). Чудесный, чудесный загар, на чудесной и прозрачной коже... (*Решительно*). Только не надо, пожалуйста, этого стесняться. Зачем?.. Природа учит нас быть смелыми и раскованными... Знаете, кто это сказал?

Анна: По-моему, это кто-то из великих сказал. Я раньше знала, а потом забыла.

Этингоф: Это я сказал. А потом уже все остальные стали повторять, кому не лень... (*Опускаясь в кресло напротив Анны*). Вы даже и представить себе не можете, милая Анна, как это неприятно, когда все эти жалкие люди только и де-

лают, что повторяют за тобой все, что ты ни скажешь!.. Как попугай, ей-богу.

Анна записывает.

Что же удивляться тому, что иногда меня неприятно поражает, что в мире кроме меня существуют еще какие-то люди, о которых мне и знать-то ничего не хочется!.. Мне кажется даже, что их существование, это просто какой-то скандальный факт, который следовало бы поскорее исправить... Ну, зачем, скажите на милость, нужны еще какие-то там Этингофы, если достаточно одного меня?.. (*Поднявшись, медленно обходит Анну, оглядывая ее*). Ну, я еще понимаю, женщины. Они могут украсить. Облагородить. Не спору. (*Останавливается за спиной сидящей и, привстав на цыпочки, пытается заглянуть в разрез блузки*) Но мужчина?.. Это самодовольное, тупое и похотливое существо в вечно грязных носках, которые уже не поддаются стирке?.. Нет уж, извините... Пять миллиардов Этингофов – это уже слишком. Особенно, когда кто-нибудь из них покушается на твою жилплощадь, где он изволит ходить, кашлять, есть чужое сливовое варенье и все время норовит показать тебе, что он лучше, чем ты, хотя об этом еще можно о-о-чень и очень поспорить!..

Анна (*робко*): Простите, вы это о ком-то конкретно говорите?

Этингоф (*в сторону кладовки*): Он знает, о ком я гово-

рю... И не один он, представьте... Потому что все вокруг как будто сговорились считать, что все это в порядке вещей! Толпиться, толкаться, наступать друг другу на ноги, хамить, занимать все места в автобусе и все такое прочее... Только не говорите мне, что для вашего читателя будет немного трудно усвоить сразу такой сложный материал, так что было бы гораздо лучше, если бы я рассказал вам какой-нибудь вздор из моего детства или что-нибудь в этом роде!..

Анна: Наверное, это смешно, господин Этингоф, но я как раз хотела попросить вас рассказать нам что-нибудь из вашего детства... Что-нибудь такое забавное и поучительное.

Этингоф: Хотите, чтобы я рассказал вам что-нибудь о своем детстве? (*Негромко смеется*). А не боитесь, что вам от этого дурно станет?

Анна: Ну почему же дурно?

Этингоф: А потому, что если бы вы внимательно читали мою биографию, то знали бы, что я имел несчастье родиться в городе Орше... Вы хоть знаете, что это такое?

Анна: Мне кажется, это город такой.

Этингоф: Это кладбище такое... Кладбище, на котором среди прочего похоронено мое детство. И при этом, заметьте, вместе со всеми его жителями в придачу... Хотите, чтобы я рассказал вам про кладбище?

Анна: Но почему же обязательно про кладбище?

Этингоф: А потому что перед войной, милая барышня, там жили двадцать пять тысяч евреев. Агрономов, шофе-

ров, строителей, продавцов, сельскохозяйственных рабочих, учителей, портных. Женщин, детей, стариков. Когда немцы ушли, там оставалось только четыре еврея, которые выжили, потому что догадались выдать себя за румын. Тысячи полторы успели во время убежать и среди них мои родители. Все остальные погибли. Все до одного. Нейхман Рав, сапожник. Мариам, его жена... Зользберг, учитель, со всей своей родней... Гриша-резник, со всей родней... Йоцик-резник со всей родней... Йодлик-резник, со всей родней... Василий Андреевич, который поменял фамилию Рабинович на Яблонский, потому что не хотел, чтобы его принимали за еврея... Блудлис Анна. Блудлис Татьяна. Блудлис Дора. Блудлис Марик. Соломон Грач. Хая Биндулис. Абрахам-сапожник и Абрахам-плотник и еще Абрахам-цирюльник, Абрахам доктор и Абрахам-переплетчик... Рав Шмуэль бен Дов и рав Михаэль бен Залман... Если хотите знать, я помню наизусть три тысячи имен, и если вы захотите, чтобы я вам их перечислил, то у меня уйдет на это целый день. Всего лишь три тысячи имен из двадцати пяти тысяч... Хава Ривкинсон, Миха Лозенгольд, Аарон Фальшенгольд, Моше Найман, у которого было десять детей, Соня Найман, старая Суламифь, у которой остался всего один зуб... Все умерли и только те, кто успели вовремя убежать, остались живы... *(Неожиданно повернувшись, кричит в сторону кладовки)*. А теперь пусть он скажет мне, зачем надо было устраивать всю эту чертову бойню, от которой мы не оправимся и через сто лет?.. Че-

рез двести лет?.. Через тысячу лет?.. Эту чертову бойню без всякого смысла?.. Потому что нельзя же считать признаком большого ума, когда какому-то недоумку не нравится, что на свете есть люди, которые не едят свинину и заставляют своих детей учить Тору!.. Иди, объясни нам, если ты такой мастер все объяснять, зачем все сложилось так, как оно сложилось, как будто у тебя не было сил это остановить?..

Делает несколько шагов по сцене, разводя руками. Короткая пауза.

(Остановившись, глухо). Иногда я просыпаюсь ночью с этой мыслью, что все они умерли, а я все еще жив. А тот, кто все это допустил, не может объяснить ни того, ни другого... Я просыпаюсь ночью и спрашиваю себя – зачем?.. Зачем я жив, а они все умерли?.. Зачем они умерли, а я жив?.. Зачем, зачем, зачем?.. Неужели только затем, чтобы я написал роман про бабочек и роман про кузнечиков?.. *(Оборвав себя).* Все, все, все, все!.. Довольно, Этингоф... Прошло сто лет!.. Тысячу лет прошло! Десять тысяч лет!.. Все заросло, заплыло, исчезло под асфальтом... *(Почти со стоном).* Но, Боже ж мой! Когда бы вы только видели, как цвели над Оршицей яблони, когда приходило их время!.. Боже ж мой!.. *(Замирает, спрятав лицо в ладонях).*

Дверь в кладовку неожиданно с шумом распахивается и

на пороге появляется Бог.

Бог: Сколько же раз надо тебе повторять одно и то же, Этингоф? *(Анне).* Здравствуйте.

Анна *(робко):* Здравствуйте.

Бог *(Этингофу):* Сколько раз тебе надо повторять, что Бог не занимается коммунальными разборками?... Он не занимается народами, партиями, комитетами и сборищами, и вообще ничем, что напоминает муравейник!.. Бог всегда занимается исключительно одним человеком, – тем, которого Он принимает из рук повитухи в час его рождения, и которого ведет по жизни до того часа, когда приходит время закрыть ему глаза!.. *(Кричит)* Но Он не ходит на профсоюзные собрания, партийные сходы, дискотеки и демонстрации, потому что когда Он видит какую-нибудь толпу, его начинает тошнить, пусть даже это будет толпа праведников и святых!.. Как же ты мне надоел, Этингоф, если бы ты только знал! *(Анне).* Будьте здоровы. *(Уходит в кладовку, громко захлопнув за собой дверь).*

Анна *(робко, вслед уходящему):* Будьте здоровы. *(Шепотом).* Кто это такой сердитый?

Этингоф *(по-прежнему пряча лицо в ладонях, издали):* Так. Грубиян один. Не обращайтесь к нему.

Анна: Он, кажется, что-то про Бога говорил? Что-то религиозное, мне показалось?

Этингоф: Это он про себя говорил.

Анна: Как это, про себя? (*Хихикает*). Он разве Бог?

Этингоф: А вы как думали? (*Опускает руки*). Самый натуральный.

Анна: Это вы, наверное, шутите так смешно... Бог ведь на небе живет. Это во всех книжках написано.

Этингоф: Бог, к сожалению, где хочет, живет. Хочет на небе, а не хочет – не на небе. В настоящее время Он в моей кладовке живет, хотя его никто туда не звал. (*Быстро подходит к шкафчику и достает оттуда бутылку вина и рюмку*). Вы позволите?

Анна: Нет, нет, спасибо.

Этингоф: Тогда будьте здоровы. (*Быстро пьет*).

Анна (*рассеянно*): Будьте здоровы... (*Изумленно озираюсь вокруг*). Господи!.. Так выходит, это Он все сотворил?

Этингоф: Не исключено... Наломал дров, а теперь делает вид, что он тут не при чем.

Анна (*шепотом*): Я, конечно, не знаю, но мне почему-то кажется, что вы не шутите... Я даже вся вспотела от этих мыслей... Вы ведь не шутите, надеюсь?

Этингоф разводит руками, давая понять, что ни о каких шутках не может быть и речи.

Но, послушайте!.. Ведь этого не может быть!

Этингоф: Я тоже так думал, пока Он не заявился ко мне три недели назад, да еще под видом страхового агента... И

не просто заявился, а еще занял мою кладовку, чтобы есть мое сливовое варенье и мешать мне своим безобразным храпом!.. Или может быть, вы думаете, что это легко, жить под одной крышей с Тем, Кто вывел нас из египетского плена?.. Так я вас умоляю.

Анна: Но зачем?.. Зачем ему у вас в кладовке жить? Разве у него так места мало?

Этингоф: Это вы лучше у него спросите, когда увидите.

Анна: Значит, вы из-за этого на Него сердитесь?.. Из-за того, что Он вашу кладовку занял?

Этингоф: Вздор! Я не из-за кладовки сержусь!.. Я сержусь на то, что в мире, который Он создал, нет, по его милости, ни покоя, ни справедливости, ничего!.. И никто на всей земле не скажет Ему это лучше, чем старый и бесстрашный Этингоф!..

Анна: Господи!.. Господин Этингоф! (*Понизив голос*). Уж ни хотите ли вы сказать, что у Бога тоже есть свои отдельные недостатки?

Этингоф: У Него? (*Сардонически смеется*). Да если вы хотите знать, милая барышня, Он весь состоит из одних только недостатков, с которыми ничего не могут поделать все Его хваленые достоинства... Он вечно брюзжит, вечно грубит, вечно оставляет после себя волосы в ванной, не моет за собой посуду, вытирается чужим полотенцем, не выключает за собой свет, берет без спроса чужие вещи, ходит, задравши нос, словно индийский петух, объедается варением,

которое не варил, дает советы, когда его никто не спрашивает, – да я могу перечислять его недостатки целую вечность!! (*Кричит*) Он сорит, разбрасывает одежду, путается под ногами, мешает работать и все время всех учит, учит, как будто он один здесь такой умный!.. Может, вам этого мало, но лично я уже сыт всем этим по горло! (*Раздраженно садится в кресло*).

Небольшая пауза.

Анна (*негромко*): Знаете что?

Этингоф: Что?

Анна: Вы только не обижайтесь, но я слышала, что человек видит в других только то, что он находит в самом себе.

Этингоф: Вот видите, вы его уже защищаете!.. Еще не успели разобраться, в чем дело, как уже подаете голос в его защиту... Ну еще бы!.. Ведь это – Бог!

Анна: А зачем вы на него нападаете?

Этингоф: Я нападаю, потому что у меня есть для этого все основания. А вы защищаете его, потому что Он сильный и если захочет, то может превратить вас в жабу или в пинцет... Поэтому, знаете, что я вам скажу, дорогая Анна?... Как и всякая женщина, вы уважаете только силу.

Анна: Неправда.

Этингоф: Мышцы.

Анна: Глупости.

Этингоф (*кричит*): Мускулатуру!.. Форму, а не содержание!

Анна: И ничего подобного. Мне сразу показалось, как только я его увидела, что Он очень, очень милый.

Этингоф: Я тоже очень, очень милый.

Анна: Но вы не Бог.

Этингоф: Ну и что? Ну и что? Какое это имеет значение?

Анна (*уклончиво*): Большое.

Этингоф (*горько*): Вот видите... Стоит появиться какому-нибудь культуристу, как женщины сразу забывают все на свете и бросаются ему на шею!.. (*Ядовито*). Уж такова женская натура. Ничего не поделаешь.

Анна (*всплеснув руками*): Господи!.. У меня просто голова идет кругом!.. Ты приходишь, чтобы рассказать читателям про выдающегося человека, а там по квартире разгуливает Бог, который живет в кладовке и любит сливовое варенье, и при этом ты еще почему-то оказываешься во всем виноватой, как будто это ты посадила Его в эту глупую кладовку и заставила Его есть это дурацкое варенье!.. (*Умоляюще*). Господин Этингоф!.. Давайте вернемся к нашему интервью... Пожалуйста!.. Вспомните, ради Бога, что-нибудь такое, что могло бы заинтересовать нашего читателя!..

Этингоф обиженно молчит.

Я вас умоляю!

Этингоф (ворчливо): Ну, хорошо, хорошо... Если хотите, я могу рассказать вам про свою рыбку, которая была у меня в детстве... Про свою несчастную рыбку, которую я купил на Птичьем рынке на скопленные от завтраков деньги... Конечно, если это будет интересно вашим читателям, мадемуазель Анна.

Анна: Чудесно, господин Этингоф.

Этингоф (*оживая*): Тогда я скажу вам, что это была такая рыба, что мне завидовали все соседи. Она росла не по дням, а по часам и никогда не забывала напомнить, что пришло время ее покормить. Стоило мне войти в комнату, как она начинала биться головой о стекло и пытаться выпрыгнуть из аквариума, словно сумасшедшая. Зато, после обеда, она плавала, едва шевеля плавниками и даже позволяя слегка почесать ей спинку.

Анна (*записывая*): Какая прелесть!.. А как ее звали, эту маленькую прелесть?

Этингоф: Ее звали Дохлик, потому что она питалась дохлыми мухами, которые ей приносили дети со всего дома. (*Мрачно*). Но к несчастью это продолжалось совсем недолго...

Анна: Она умерла?

Этингоф: Мученически... Ее съели мои родители.

Анна: Вашу рыбку?

Этингоф: Однажды я пришел домой из школы и учуял жареной рыбы. (*Трагическим шепотом*) А потом оказалось,

что пока меня не было дома, они съели моего Дохлика.

Анна (*потрясена*): Ваши родители?

Этингоф: Когда я был в школе.

Анна: Черствые, бессердечные люди... (*Хихикает*). Господи, господин Этингоф!.. Съесть рыбку собственного ребенка!.. (*С трудом сдерживая смех*) Но, послушайте, я не могу писать о том, что ваши родители съели вашу рыбку. Это не педагогично.

Этингоф: К черту педагогику. Лучше представьте себе, что я почувствовал, когда узнал, что они сожрали ее?.. Умяли за милую душу, так что не осталось даже маленькой косточки?.. Да еще сказали, что это Бог наказал меня за то, что я плохо учился...

Анна (*в изумлении*): Они так сказали? (*С трудом сдерживает смех*). Господи, господин Этингоф!.. Тогда, может быть, сначала вы расскажите нам о них немного подробнее?.. Хотя бы в общих чертах, чтобы нам иметь о них какое-то представление?

Этингоф: О моих родителях?.. Хотите, чтобы я рассказал вам о своих родителях?.. О том, что они вечно путаются у меня под ногами и мешают мне работать своей нескончаемой трескотней?.. (*Стучит ногой об пол, сквозь зубы*). Или о том, что они, никогда не оставляют меня в покое, потому что они всегда рядом, всегда тут, поблизости, стоит только тебе их упомянуть или просто о них подумать? (*Вскочив с кресла, стучит ногой по полу*). Чертовы родители!.. Слышите?.. Вот

они... И как всегда, опять не могут что-то поделить.

Анна (*неуверенно*): Вы это о своих родителях говорите?

Этингоф: Я это о своих родителях говорю... О своих родителях, которые сожрали моего Дохлика, а теперь ползают под землей, как кроты, вместо того, чтобы лежать себе тихо на Востряковском кладбище... Вы послушайте, послушайте... (*Глядя в пол и прислушиваясь, негромко*). Иногда я чувствую, как они кружат возле дома и все никак не могут уgomониться или бьются головой об асфальт, потому что им, видите ли, не хватает воздуха... А зачем им воздух, если все они умерли пятьдесят лет назад? (*Стучит ногой по полу*). Ну что вы опять расшумелись, землеройки?

Анна (*в ужасе*): Это ваши родители ползают?

Этингоф: А чьи же еще, по-вашему?.. Мои. (*Негромко*). Глупые, глупые чревоугодники. Съели моего Дохлика, а теперь ползают туда-обратно, как будто нет какого-нибудь другого занятия, да к тому же совершенно не соблюдают при этом технику безопасности... Я говорю – папа, ведь ты же можешь свалиться в какую-нибудь канализационную трубу, и тогда тебя унесет отсюда за тридевять земель, пока ты не окажешься в каком-нибудь Тихом океане, который найдешь ни на всякой карте... Но куда там! Разве они меня слушают? (*С остервенением стучит ногой по полу*) Глупые, глупые родители!.. Если бы они меня хотя бы иногда слушались, то, может быть, все было бы иначе!..

Анна: Вы хотите сказать, что они – здесь?.. Здесь?.. Пря-

мо тут, под нами? *(Негромко стучит ногой по полу)*.

Этингоф: А где же им, по-вашему, еще быть, если ни с родным сыном?.. В конце концов, это же мои родители. Ползают за мной, как кроты. Прячутся. Подкрадываются. Подслушивают. Ночью я слышу, как они разговаривают там, под землей и все никак не могут решить, кто из них виноват, что я вырос таким неудачником. *(Кричит и стучит в пол)*. Что?.. Что?.. Что?.. Господи, ну что вам еще от меня надо!

Анна *(глядя в пол)*: Мне кажется, еще немного и я сама начну с ними разговаривать...

Этингоф: Глупые землеройки!.. Они, видите ли, беспокоятся, что я могу забыть принять лекарство. Почему-то все в этом городе озабочены тем, что я могу пропустить время приема лекарств, как будто это грозит миру неисчислимыми бедствиями... *(Глухо)*. Чертовы лицемеры. *(Подходит к шкафчику и вновь достает оттуда бутылку вина, разливая)*. Надеюсь, вы присоединитесь ко мне, милая Анна?.. Если пришло время принять лекарство, то мы, конечно, не станем нарушать режим и огорчать наших близких.

Анна *(смущена)*: Спасибо... Я присоединюсь...

Этингоф: Вот и прекрасно. *(Наливает)*. Ваше здоровье. *(Подняв стакан, быстро пьет)*.

Анна: Ваше здоровье. *(Пьет)*.

Короткая пауза.

Этингоф (*поставив стакан на стол, тоскуя, в пол*): Ну, что вам еще от меня надо, землеройки?.. Разве вы не видите, что я принял прекрасное лекарство и готов принимать его до гробовой крышки, если только вы оставите меня, наконец, в покое!.. (*Кричит*). И не надо больше говорить мне, что я должен делать, потому что я сам прекрасно знаю это без всех ваших идиотских советов!..

Анна (*неожиданно громко кричит и топает ногами*): Да! Не надо! Он сам прекрасно знает, что ему делать!

Этингоф: Что такое?.. Зачем вы кричите на моих родителей?.. Разве вас кто-нибудь просил?

Анна: Я думала, что может так будет лучше.

Этингоф: И совсем не лучше. Потому что стоит им только узнать, что ко мне приходила симпатичная барышня с талией и длинными ногами, как они будут обсуждать это всю ночь, пока не переругаются или не подерутся. (*Кричит и с остервенением бьет ногой в пол*). Черт! Черт!.. Черт!.. (*В сторону кладовки*). Ну, неужели нельзя было придумать что-нибудь поостроумней! (*Кажется, в изнеможении, опускается в кресло, откинув назад голову*).

Анна (*в растерянности*): Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь...

Пауза.

Этингоф (*глухо и негромко, со вздохом*): Однажды, мно-

го лет назад, мне приснился луг полный цветов и бабочек... Впрочем, это было так давно, что я уже не уверен, было ли это на самом деле.

Анна: Как интересно!.. И со мной тоже, представьте, случилась однажды ужасная история. Я взяла и упала прямо в лифте. И при этом – ни с того ни с сего. Просто стояла, а потом упала, и это было просто ужасно. Везде была грязь, потому что была осень, лифт стоял между этажами, а я лежала и думала о том, какая все-таки я великая грешница, раз со мной случился такой несусветный кошмар...

Этингоф: Пожалуй, в этом что-то такое есть. *(Достав из кармана блокнотик, записывает).*

Анна: Я тоже так думаю. Но тогда мне показалось, что я в западне. В мышеловке. Что весь мир исчез и остался только этот лифт и больше ничего. А когда я поняла, что я великая грешница, то этот лифт стал похож на того кита, который проглотил когда-то бедного Иону...

Этингоф *(записывая):* На кита.

Анна: Вы это за мной записываете?

Этингоф: Я? *(Убирая блокнотик).* Даже и не думал... Вернее, я начал записывать, а потом вспомнил, что у меня уже была такая знакомая, которая тоже однажды упала в лифте, а потом кричала на всех углах, что она великая грешница, тогда как на самом деле, она была просто шлюха, которая ходила и брала интервью у всяких знаменитостей... Это у нее слабость такая была, переспать с какой-нибудь зна-

менитостью, иначе она чувствовала, что жизнь ее проходит совершенно напрасно. (*Оборвав себя, с изумлением*). Позвольте!.. Но ведь это все написано в моем романе про бабочек!.. Вы что же это, пересказываете мне мой собственный роман?.. Вот это номер!

Анна: Почему это я вам пересказываю? И ничего я не пересказываю. Все это действительно случилось со мной прошлой осенью, а ваш роман тут совершенно ни при чем. Тем более что может, я вообще его еще не читала!

Этингоф (*потрясен*): Мой роман?.. Вы что же это, пришли брать у меня интервью и при этом не удосужились даже прочесть мой роман?

Анна: Может, я его и не читала, то зато листала. И очень внимательно. Я думаю этого вполне достаточно, чтобы составить себе правильное представление.

Этингоф (*тоскуя*): Мой роман!

Анна: И к тому же, я прекрасно все помню.

Этингоф (*горько*): Пришли брать интервью и даже не удосужились заглянуть, о чем пишет автор... Очень мило.

Анна: Я думала, что может быть это не так важно.

Этингоф: А что ж, тогда, по-вашему, важно?.. Трястись всю ночь под сомнительные песенки? Это, по-вашему, важно?.. (*Злобно*). А хотите, я скажу вам, почему вы не удосужились?.. (*Кричит*). Потому что вы на другое рассчитывали, вот почему... Это ведь даже невооруженным глазом видно, что вы на другое рассчитывали!

Анна: Господи! Да на что же я, по-вашему, рассчитывала?

Этингоф: А на то, что я мужчина, вот на что!.. На то, что поэтому вам будет легко меня вокруг пальца обвести! *(Почти кричит)*. Потому что вы знали, что когда мужчина видит женщину, то он немедленно получает определенный импульс и это всем прекрасно известно! А когда он этот импульс получает, то становится совершенно беззащитным, как какой-нибудь несчастный воробушек!

Анна: Господи! Какой там еще импульс?

Этингоф: Какой! Обыкновенный!

Анна *(тревожно)*: Я вас не понимаю.

Этингоф: Да все вы прекрасно понимаете... *(Кричит)*. Когда мужчина видит женщину, он немедленно получает известный импульс с ней соединиться!.. Это наука доказала!

Анна: Зачем?

Этингоф: Что, зачем?.. Что, зачем?.. А я откуда знаю, зачем?.. Так устроено... Я только знаю, что как только мужчина видит женщину, он сразу получает импульс с ней соединиться, потому что такова его природа... Наверное, вы как раз на это рассчитывали, когда шли сюда с вашим интервью! *(Кричит)*. Только вы должны хорошенько запомнить, что ко мне это не относится! Потому что я умею крепко держать свои импульсы в узде, а не ходить у них на поводу, как некоторые... *(Внезапно вскочив, стремительно обнимает сидящую Анну и пытается ее поцеловать)*.

Анна: Пустите!.. *(Пытается вырваться)*. Пустите ме-

ня!.. Что вы делаете! (*Вскочив на ноги*). Вы же сказали, что к вам это не относится?

Этингоф (*обсыпая Анну поцелуями*): Это я так сказал... Фигурально... Чтобы вам понятнее было... Чтобы вы поняли, что без этого отношения между мужчиной и женщиной будут неполноценны. А это недопустимо, недопустимо!..

Анна: Вы с ума сошли!

Этингоф: Не знаю почему, но меня к вам страстно тянет.

Анна (*отбиваясь от Этингофа*): Но мы с вами едва знакомы... Пустите....

Этингоф: Это не аргумент, что едва... Куда же вы?

Вырвавшись, Анна отбегает и прячется за диван.

Анна (*оправляя платье*): Прекратите... Что вы себе позволяете?

Этингоф: Ничего, ничего. (*Пытаясь перелезть через спинку дивана*). Вы должны мне довериться, потому что я сильный, взрослый, элегантный и убедительный... Я такой, какой надо!.. (*Садится на спинку дивана как на лошадь*). Ну, зачем, зачем вам нужен кто-то еще, когда у вас есть Этингоф?.. Этингофы, поверьте, на дороге не валяются... (*Протягивая руки, пытается схватить Анну*). Ну, дайте, дайте мне вашу руку!

Анна: Вы, может быть, мне не поверите, но я сейчас закричу.

Этингоф: Ну, зачем же вам кричать? Зачем? Все равно

вас никто не услышит. А если и услышат, то не обратят никакого внимания, потому что у нас тут уже тысячу лет все кричат и никто друг друга не слышит, потому что у нас страна такая смешная. Кричи, пока не лопнешь.

Анна: А я все равно закричу.

Этингоф (*лихорадочно*): И напрасно, напрасно. Лучше молчите, зачем нам пустые слова?.. Вы будете молчать, а я буду вас любить. И это будет длиться вечно, потому что это правильно... Я даже готов пойти вам навстречу, если хотите... Отчего же? Этингоф всегда готов идти всем навстречу, но только молча, молча! (*Схватив Анну, пытается перетащить ее на свою половину дивана, кричит*). Молча! Молча!

Анна (*кричит*): Нет!

Этингоф: Что "нет", что "нет!.. Разве вы не видите, что уже давно "да"?

Анна: Интервью! Интервью! Вы помнете интервью...

Этингоф: И пускай его! Пускай!.. Мы напишем еще!.. Сколько захотите!.. Пять интервью! Семь интервью!.. Но только молча, молча... Потому что слова – это пф-ф-фф!.. Ветер. Мираж... Сегодня их говорит один, завтра другой, а потом их будут говорить все кому не лень, но самое смешное, что в целом мире ничего от этого не изменится! (*Решительно заключает Анну в объятия*).

Анна: Нет, нет, нет!

Этингоф: Что значит, нет? Что значит, нет?.. Да!.. Да!

Анна (*уворачиваясь*): Вы мне противны.

Этингоф: Глупости.

Анна: И отвратительны

Этингоф: Ерунда. Меня любили сорок тысяч женщин, и никто из них никогда не говорил мне, что я им противен... Напротив, все говорили – о, этот Этингоф!

Анна: Пустите! (*Резко освобождаясь из объятий Этингофа*). Они, наверное, дуры были, эти ваши женщины!

Этингоф: Вы это потому говорите, потому что у вас первобытный инстинкт проснулся. Первобытный инстинкт, который требует, чтобы вы унижали мужчину, для того чтобы удовлетворить свое чувство женской неполноценности. Это во всех учебниках психологии написано!.. Мужчина сверху, женщина снизу. Мужчина на спине, женщина наверху. Но даже когда женщина внизу, а мужчина наверху, почему-то всегда оказывается, что он все равно внизу, а наверху почему-то опять она. А если она поворачивается к нему спиной, то почему-то опять оказывается, что она сама добродетель, а он исчадие ада. И все это, потому что женщина только о том и мечтает, чтобы унижить мужчину своим мнимым превосходством!.. Чертовы шлюхи! (*Кричит*). Быстро иди сюда, гадина, потому что лучше Этингофа ты все равно никого не найдешь!.. И не болтай!

Анна: Нет! Нет! Нет!

Этингоф (*пытаясь схватить Анну*): Что нет? Что нет?.. Говорю же тебе, да!

Анна: Нет... Нет!.. (*Размахнувшись, дает Этингофу*

звонкую пощечину).

Этингоф (*отпустив Анну и схватившись за щеку*): Что такое?.. Что такое?.. В моем собственном доме?.. Меня?.. (*Громко и театрально смеется и отходит от дивана, держась за щеку, но почти сразу возвращается*). А может, вам было бы лучше не разбрасываться на пощечины, а сразу взять в руки ружье и пристрелить этого жалкого и ничтожного Этингофа, которого знает весь мир?.. Этого последнего романтика, который еще верит в любовь с первого взгляда?.. Раздавить его, как муху, как комара!.. Пускай он лежит здесь никому не нужный, словно мешок со старой обувью, которую забыли отнести на помойку!

Анна: Я ухожу.

Этингоф (*полон сарказма*): Ну, конечно... Ударить ни в чем не повинного человека по лицу, а потом демонстративно уйти, как будто ничего не случилось, о, как же это похоже на вас, женщин!.. Что ж, идите... Но только сначала скажите мне, зачем вы вообще сюда приходили, черт возьми?.. Неужели только затем, чтобы точить лясы о прекрасном и болтать о литературе?.. Об искусстве? О Полине Виардо?.. Чтобы послушать, что Этингоф расскажет вам о своем романе, который вы все равно никогда не дочитаете до конца?.. (*Кричит*). Да вы просто дура набитая после всего этого!.. Точно такая же, как и все остальные, которые думают, что прекрасное растиражировано в книгах и выставлено в музеях, так что стоит только вам раскрыть книгу или пойти

в музей, как оно мигом окажется в вашем распоряжении!..
Глупые курицы!

Анна *(не трогаясь с места)*: Я ухожу.

Этингоф: И очень хорошо! Проваливайте! Чего вы ждете! *(Отвернувшись от Анны, охваченный сильным чувством, которое требует, чтобы его поскорее выговорили)*. О, как бы я хотел сжечь всю эту сорную траву, которая думает, что Моцарт писал только для того, чтобы она могла сидеть и хрюкать от восторга в своих партерах!.. Как бы я хотел проткнуть барабанные перепонки у всех, кто уверен, что Бетховен сочинял только для того, чтобы они могли похвастаться, что прослушали до конца какую-нибудь его симфонию, о которой забыли уже на следующий день!.. Ах, это чертово племя, заполняющее библиотеки и книжные магазины!.. Уверенное, что обязательно надо ходить в театры и музеи, потому что так делают все!.. Трусливое племя, опасющееся, как бы кто не прознал, что на самом деле они не любят читать и с трудом подавляют зевоту, когда слышат музыку!.. О, как бы я хотел, чтобы книга вновь стала священной, так, чтобы прежде чем прочитать хорошую книгу следовало бы заслужить это долгим и тяжелым трудом!.. Как бы я хотел, чтобы для того, чтобы услышать Первый концерт Баха, надо было бы совершить нечто грандиозное, а чтобы постоять перед Шагалом – износить три пары обуви!.. И тогда мир стал бы чище, а жизнь уже не казалась бы такой отвратительной... *(Кричит Анне)*. А таких как вы, я заставил бы за-

ниматься своими прямыми обязанностями, к которым вас определила мать-природа!.. (*Позволяет себе не совсем приличный жест*).

Анна (*выходя, наконец, из-за дивана и пытаясь сохранить спокойствие*): Мне, конечно, говорили, что у вас дурной характер, но ведь не до такой же степени. (*Решительно*). Я ухожу...

Этингоф: Скатертью дорожка!.. Идите, откуда пришли!.. (*Кричит, повернувшись к Анне спиной*). О, как же он устал, этот бедный Этингоф, как же утомило его это бесконечное блуждание в море человеческого идиотизма!.. (*Опустившись сначала на колени, затем на четвереньки, ползет, иногда останавливаясь, по сцене*). Как же надоело ему все, что обступило его, чтобы не дать ему свободно дышать!.. Эти шкафчики, эти кресла, эти пустые телефонные разговоры, фальшивые беспокойства, нелепые друзья, собственное имя, приходящие под утро мысли, – о, как же я устал от всего этого, от этих воспоминаний, от самого себя, от своих надежд и накрахмаленных рубашек, от зубных врачей и шлюшек, читающих Данте, от курса доллара и глубокомысленных идиотов в голубом экране... Ах, бедный, бедный, бедный Этингоф!.. Куда ты попал? И в какую сторону идти тебе теперь, чтобы добраться до ночлега, пока еще не село солнце?.. О как же мне хочется упасть, упасть, чтобы заснуть и видеть сны!.. Стать ничем, никем, травой, пылью, лунной дорожкой, цветником! Чтобы не слышать глупости, разъедающие,

словно ржавчина, последнюю надежду. Чтобы не видеть самодовольства, которое не устает хвалиться, что оно благодетельствовало всех, сотворив этот жалкий мир, как будто оно было в состоянии сотворить что-нибудь другое!..

Остановившись у двери, Анна быстро записывает за Этингофом. Тот, по-прежнему, стоя на четвереньках, не видит ее. Небольшая пауза.

(Переведя дух, негромко). Что ж, пускай!.. Пускай... Но только без меня!.. Не хочу... Не буду... Не желаю... Пусть, кто хочет, принимают во всем этом участие! Пусть аплодируют, пусть орут, пусть фотографируются на фоне таких же идиотов, как они сами!.. Какая же это все-таки гадость, человек!.. Неделикатный, тупой, наделенный способностью лгать, убивать и быть бесстыдным!.. Сегодня орет «Осанна», а завтра «Распни»!.. Сегодня вопит о плюрализме, а завтра повесит всякого, кто осмелится сказать против него хоть полслова!.. *(Вновь накаляясь).* Не желаю!.. Не желаю!.. Не желаю!.. Лучше я стану деревом – пускай!.. Буду расти. Буду шелестеть. Зеленеть. Сто лет. Двести лет. Пятьсот лет буду расти, пока ваше племя чертово не околеет. Секвойей. Эвкалиптом... Под солнышком. Под дождем! Под снегом!.. Тополем! Дубом! Чем угодно! Лишь бы подальше от вас и вашего участия!.. Сто тысяч семян, сто тысяч Этингофов придут и взойдут повсюду лесами, чтобы показать вам всем

язык! Чтобы забыть о вашем существовании! Чтобы повернуться к вам жопой! Задницей! Тухесом! Всем, чем только можно повернуться!.. Плевать!.. Буду рощей! Лесом! Оазисом! Буду тропинкой, камешком, радугой, только бы не слышать вашего чертова хрюканья, цоканья, бляенья! Вашего шипения, гуденья, сморкания, ваших глубокомысленных поучений о том, что хорошо и что плохо!.. Ваших глупых шуток и тупого смеха... *(Схватившись за сердце)*. Ох... Ох... *(Подползает и забирается на диван)*.

Анна *(записывая)*: Тупого смеха...

Этингоф *(увидев Анну, слабо)*: Что это вы себе позволяете?

Анна *(убирая блокнот)*: Ничего.

Этингоф: Я ведь вам сказал, убирайтесь... Не видите что ли, я хочу умереть? Зачем вы записывали за мной?

Анна: Даже и не собиралась. *(Спрятав блокнот)*. Прощайте. *(Быстро исчезает)*.

Этингоф *(слабо)*: Пойдите... Эй... Куда вы? *(Разочарован)*. Ушла... *(Горько)*. О, бедный, всеми брошенный Этингоф!

Бог *(появляясь из кладовки)*: Можешь не переживать. Сейчас она вернется...

Этингоф: А ты-то откуда знаешь?

Бог: Ну, как тебе сказать...

Анна *(появляясь на пороге)*: Извините, но там почему-то нет двери. *(Богу)*. Здравствуйте.

Бог: Здравствуйте.

Этингоф: Глупости. Двери есть везде.

Анна: Если не верите, пойдите и посмотрите сами.

Этингоф: Вы что, не видите, что я умираю? (*Поднимаясь с дивана*) Ох... Бессердечные люди... Неужели нельзя было придумать что-нибудь попроще? (*Уходит вместе с Анной*).

Короткая пауза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.